

Лолита Ланская

ТАМ
БЫЛА
БОЛЬ...

А ВПЕРЕДИ
ЕСТЬ
ЖИЗНЬ...

Мой спаситель и любовь

Иногда
именно в темноте
мы находим
свой свет...

Р О М А Н

18+

Лолита Ланская

Мой спаситель и любовь

«Автор»

2026

Ланская Л.

Мой спаситель и любовь / Л. Ланская — «Автор», 2026

Когда-то я мечтала о любви, а теперь училась различать настроение мужа по звуку его шагов. Антон контролировал каждый мой день, его мать находила новые поводы для унижений, а я всё чаще верила, что сама во всём виновата. Тайный заказ на иллюстрации должен был вернуть мне хотя бы немного самостоятельности. Но вместе с работой в моей жизни появился Игорь — мужчина, рядом с которым не нужно заслуживать доброе слово и просить прощения за собственные желания. Он готов помочь мне уйти, однако самый страшный шаг я должна сделать сама. Только побег ещё не означает свободу. Антон не собирается отпускать меня, а свекровь готова на любую ложь, чтобы разрушить наше с Игорем доверие. Теперь мне предстоит не только вырваться из прошлого, но и поверить, что любовь может быть совсем другой. Смогу ли я выбрать счастье, если за право на него придётся бороться с теми, кого я годами боялась?

© Ланская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Содержание	5
Глава 1. Дом, где нельзя дышать	6
Глава 2. Правила Антона	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Мой спаситель и любовь

Содержание

1. Дом, где нельзя дышать
2. Правила Антона
3. Рисунки, которые нельзя видеть
4. Человек, который спрашивает
5. Голос без приказа
6. Мне нужна помощь
7. План безопасности
8. Первая ложь ради себя
9. Чемодан без имени
10. Ночь закрытых дверей
11. За порогом
12. Развод как война
13. Чужая ложь
14. Под своим именем
15. Решение суда
16. Дом, где можно дышать
17. Две полоски
18. Последняя ревность
19. Цена свободы
20. Мира

Глава 1. Дом, где нельзя дышать

Я проснулась от стука в дверь и несколько секунд лежала неподвижно, пытаюсь понять, почему в комнате всё ещё темно. За неплотно задёрнутыми шторами горел уличный фонарь, Антон мерно дышал рядом, а у меня так ломило поясницу, словно я и не ложилась. Только когда стук повторился, настойчивее и громче, я вспомнила про рубашки, которые закончила гладить далеко за полночь, и потянулась к телефону. До будильника оставалось двадцать минут.

– Дарья, вставай, пожалуйста. Антоше сегодня нужно выехать пораньше, а у нас ещё ничего не готово, – произнесла свекровь из-за двери. Голос у неё был негромкий, но на последнем слове появилась знакомая требовательная интонация, от которой я сразу села, сбросив одеяло.

– Я уже проснулась, Галина Петровна. Сейчас умоюсь и поставлю завтрак, – ответила я, стараясь говорить достаточно отчётливо, чтобы ей не пришлось переспрашивать.

Антон недовольно выдохнул и повернул ко мне лицо. В полумраке я разглядела нахмуренные брови и прищуренные, ещё сонные глаза.

– Неужели нельзя самой вовремя вставать, чтобы мама не ходила тебя будить? Я только под утро нормально уснул, а вы уже разговариваете через всю квартиру, – проговорил он с раздражением и натянул одеяло на плечо, отворачиваясь к стене.

Я замерла, прижав ладонь к краю матраса. Мне хотелось сказать, что будильник ещё не звонил, что я спала чуть больше четырёх часов и не просила никого приходить. Вместо этого я осторожно поднялась и поправила одеяло у его ног. Спорить было бессмысленно: к концу разговора я всё равно извинялась бы, только уже за несколько вещей сразу.

Галина Петровна ждала в коридоре. На ней был аккуратный светлый халат, волосы лежали ровными волнами, а от кожи пахло дорогим кремом. Она скользнула взглядом по моей старой футболке, задержалась на лице и недовольно поджала губы.

– Ты хотя бы приведи себя в порядок, прежде чем к мужу выходить. Молодая женщина, а постоянно такая измученная, будто тебя здесь непосильной работой нагружают, – заметила она, чуть приподняв подбородок. В её голосе слышалось не беспокойство, а брезгливое удивление.

Я провела ладонью по волосам и почувствовала, как горят щёки. Ещё вчера собиралась вымыть голову, но после ужина пришлось отчищать духовку, а потом Антон напомнил про рубашки. Объяснять это свекрови не хотелось. Она стояла бы и слушала с терпеливым выражением лица, пока я сама не почувствовала бы себя ленивой и неблагодарной.

В ванной я наклонилась над раковиной и долго держала ладони под холодной водой. В зеркале отражалось бледное лицо с припухшими веками. Я попыталась улыбнуться, как иногда делала раньше перед трудным рабочим днём, но губы только дрогнули. Из кухни уже донёсся звон посуды, и я поспешила вытереться.

Пока варилась каша, я нарезала хлеб и сыр, подогрела молоко отдельно для Галины Петровны и достала любимую чашку Антона. Свекровь сидела у окна, просматривая телефон. Она не торопилась, и от этого я особенно остро чувствовала собственную суету: слишком громко положила ложку, задела локтем полотенце, забыла сразу убрать масло.

– Сегодня сними тюль в гостиной и перебери бельё в шкафу. Вчера искала наволочку и чуть всё на себя не вытащила, – сказала она, не отрываясь от экрана. Потом подняла глаза и посмотрела на меня поверх очков. – Только не начинай опять объяснять, что у тебя нет времени. При правильной организации всё можно успеть.

– Я переставлю комплекты на нижнюю полку, чтобы вам было удобнее, – ответила я, помешивая кашу. Мне пришлось сглотнуть, прежде чем добавить: – А тюль я стирала на прошлой неделе. Может быть, её пока не нужно снимать?

Галина Петровна положила телефон экраном вниз. На лице у неё появилось выражение оскорблённого терпения.

– Дарья, я тебя о чём-то попросила, а не предложила обсудить, нужно мне это или нет. Если тебе настолько тяжело помочь пожилому человеку, скажи прямо, я сама полезу на стремянку, – произнесла она с дрожью в голосе, которой минуту назад не было.

Я сразу представила, как вечером Антон спросит, зачем я заставила его мать рисковать здоровьем.

– Не нужно никуда подниматься, я всё сделаю после завтрака, – сказала я и попыталась улыбнуться, хотя от обиды уже стягивало горло.

Кофе свекровь велела налить, когда в ванной зашумела вода. Антон вышел гораздо позже, успев поговорить с кем-то по телефону. На кухню он вошёл с улыбкой, наклонился поцеловать мать и провёл рукой по её плечу.

– Ты сегодня хорошо выглядишь, мам. Тебе этот цвет идёт, – заметил он тепло, и Галина Петровна сразу расправила плечи, разглаживая воротник халата.

Я поставила перед ним тарелку и чашку. Он не посмотрел на меня, пока не попробовал кофе.

– Даш, объясни мне, пожалуйста, почему он холодный? Я ведь не прошу ничего сложного, только нормально позавтракать перед работой, – сказал Антон, медленно опуская чашку на блюдце. Он говорил спокойно, но губы у него сжались, а взгляд стал тяжёлым и неподвижным.

– Я приготовила, когда ты пошёл умываться. Сейчас сделаю свежий, это совсем недолго, – ответила я, потянувшись за чашкой и стараясь не показать, как неловко вдруг стало пальцам.

– Я же говорила тебе не торопиться, – вздохнула Галина Петровна. Она посмотрела на сына и покачала головой с сочувственной улыбкой. – У неё всё время получается наоборот: где нужно быстрее, там не дождёшься, а где стоит подумать, она уже наделала.

Я застыла с чашкой в руке. Свекровь встретила мой взгляд совершенно спокойно, и я поняла, что она прекрасно помнит, кто велел заранее налить кофе. Именно это спокойствие ранило сильнее всего. Она даже не сомневалась, что я промолчу.

Антон отодвинул стул, подошёл к полке возле холодильника и провёл пальцем вдоль края. Я следила за его рукой, чувствуя, как сжимается живот. Вчера я протирала там пыль, снимала тяжёлую вазу, переставляла книги, но сейчас всё это уже не имело значения.

– А здесь что у нас? Ты ведь весь день дома находишься, Даша. Чем ты занимаешься, если даже элементарную чистоту поддерживать не можешь? – спросил он, повернувшись ко мне. На лице появилась едва заметная усмешка, словно он поймал меня на особенно глупой лжи.

– Я вчера мыла полы, убирала ванную и кухню, а вечером гладила твои вещи. Эту полку тоже протирала, наверное, не заметила у самого края, – проговорила я тише, чем собиралась. Пока перечисляла сделанное, мне становилось всё стыднее, будто я выпрашивала похвалу за то, что обязана была выполнять без напоминаний.

Антон достал салфетку и тщательно вытер палец.

– Не нужно мне сейчас зачитывать список своих подвигов. Я тоже работаю и почему-то не требую благодарности за каждое действие, – произнёс он с холодной усталостью, после чего вернулся к столу.

Я поставила ему свежий кофе и села только тогда, когда убедилась, что больше ничего не нужно. Моя каша успела остыть. На поверхности собралась тонкая плёнка, и я принялась осторожно размешивать её, стараясь не смотреть ни на мужа, ни на свекровь. Очень хотелось заплакать, но я знала, как Антон не любит слёз за едой.

Он уже пил кофе, просматривая новости, когда вдруг вспомнил о вчерашних покупках.

– Принеси чеки, я посмотрю, сколько осталось до конца недели. Ты опять почти всю сумму потратила за один раз, – сказал он деловым тоном и протянул руку, даже не поднимая головы.

Я сняла с холодильника сложенные бумажные полоски. Один чек держался под магнитом отдельно, и мне пришлось заставить себя взять его вместе с остальными.

Антон быстро пробежал глазами покупки из супермаркета, а потом развернул второй листок. Я успела заметить, как чуть приподнялись его брови.

– Набор акриловых красок за триста двадцать рублей. Очень интересно, зачем они тебе понадобились? – спросил он и наконец посмотрел на меня внимательно. Его губы растянулись в недоверчивой улыбке, от которой мне захотелось спрятать руки под стол.

Я купила краски почти случайно. Зашла за хозяйственными губками и увидела возле кассы маленькую коробочку с шестью тюбиками. Долго держала её, рассматривая названия цветов, а потом почему-то не смогла поставить обратно. Всю дорогу домой коробочка лежала у меня в кармане, и я касалась её через ткань, словно проверяла, не исчезла ли.

– На кухонном подоконнике облупилась краска. Я хотела подкрасить скол, чтобы вам не приходилось каждый раз на него смотреть, – ответила я, стараясь удержать взгляд на лице мужа. Щёки горели, и я боялась, что он сразу поймёт, что я вру.

Галина Петровна обернулась к окну.

– Можно было хотя бы спросить, прежде чем покупать непонятно что. Антоша деньги не на улице находит, – заметила она с укоризной и провела пальцами по скатерти, разглаживая несуществующую складку.

– Именно это я и пытаюсь объяснить, мам, – отозвался Антон, смягчив голос для неё. Затем снова повернулся ко мне, и улыбка исчезла. – Даша, если каждый начнёт тратить по триста рублей на собственные прихоти, ничего хорошего не получится. Ты же взрослая женщина и должна понимать такие вещи.

Я смотрела на чек и вспоминала время, когда сама покупала себе материалы, оплачивала счета и могла пригласить подругу в кафе, не подсчитывая заранее, сколько вопросов мне зададут вечером. От тех лет сохранились старый ноутбук, несколько рабочих папок и привычка замечать красивые сочетания цветов. Всё остальное словно постепенно разошлось по чужим рукам.

– Я поняла. В следующий раз сначала спрошу у тебя, – сказала я, чувствуя, как напряглись мышцы лица от попытки сохранить спокойное выражение.

Антон удовлетворённо кивнул и отодвинул чеки. Для него разговор закончился, а я ещё долго не могла проглотить ни одной ложки.

Перед уходом он остановился в прихожей, пока я поправляла воротник его пальто. Вблизи пахло лосьоном после бритья и чистой тканью. Когда-то мне нравился этот запах: я прижималась к его плечу и думала, что рядом с ним со мной никогда не случится ничего плохого.

– Ты опять надулась? Я же не ругаю тебя, а объясняю, как лучше. Не нужно делать из каждого замечания трагедию, – произнёс он уже мягче, приподнимая пальцами мой подбородок. Его лицо на мгновение стало почти таким, каким я помнила его до свадьбы, и от этого у меня предательски защипало глаза.

– Я не обижаюсь, просто немного не выпалась, – ответила я и заставила себя улыбнуться.

Он поцеловал меня в лоб, велел не забыть про ужин и ушёл. Я ещё несколько секунд стояла возле двери, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Внутри смешались облегчение и стыд: муж только что поцеловал меня, а я радовалась тому, что теперь несколько часов его не будет дома.

До обеда я сняла тюль, разобрала бельё, вымыла полки и дважды приготовила Галине Петровне чай. Она смотрела телевизор, иногда звала меня, чтобы показать пятно или спросить, почему в ванной до сих пор мокрый коврик. Когда я наконец осталась на кухне одна, руки дрожали от усталости.

Краски лежали на дне пакета с губками. Я достала коробочку и осторожно открыла белый тюбик. Пришлось действительно заняться подоконником: теперь Антон мог проверить, на что ушли его деньги. Я смешала немного белого с жёлтым на старой пластиковой крышке и вдруг замерла, рассматривая получившийся оттенок.

Оказалось, я ещё помню, как это делается. Не забыла, сколько цвета нужно добавить, чтобы убрать холодную синеву, как ложится краска и насколько светлее станет после высыхания. Эти простые движения отозвались в груди такой неожиданной болью, что я наклонила голову, стараясь отдышаться. Слёзы упали на край раковины прежде, чем я успела их остановить.

– Дарья, ты меня слышишь? Принеси, пожалуйста, плед, он остался в спальне, – позвала Галина Петровна с раздражением, повысив голос на последних словах.

Я быстро вытерла лицо рукавом, но несколько секунд не могла ответить.

– Сейчас принесу, только смою краску с рук, – отозвалась я наконец, прислушиваясь к собственному голосу и надеясь, что он звучит достаточно обычно.

Мне было двадцать девять лет, а я прятала слёзы из-за шести маленьких тюбиков и нескольких минут, потраченных на себя.

Остаток дня прошёл за делами. К вечеру я уже не думала о красках, только старалась ничего не забыть: вовремя выключить духовку, достать салат из холодильника, поставить све-крови отдельную тарелку без заправки. Антон вернулся в хорошем настроении и за ужином рассказывал о коллеге. Они с матерью смеялись, а я следила, чтобы у обоих было достаточно хлеба.

После еды муж ушёл говорить по телефону, Галина Петровна устроилась перед сериалом, и на кухне наконец стало тихо. Я протирала стол, когда экран моего телефона засветился.

Имя Анны заставило меня сразу отложить тряпку.

Мы не виделись больше года. Сначала я переносила наши встречи из-за домашних дел, потом потому, что Антон раздражался, когда я куда-то уходила без него. Со временем стало стыдно снова обещать, и я перестала предлагать. На её вопросы отвечала коротко, уверяла, что всё хорошо, а после подолгу смотрела на нашу последнюю совместную фотографию.

Теперь Анна написала на старую рабочую почту.

«Дашенька, привет! Сегодня нашла твои иллюстрации к нашему сборнику и весь вечер тебя вспоминаю. Помнишь рисунок двора с велосипедом под балконом? Я тогда распечатала его для себя, он до сих пор висит над столом.

Есть небольшой оплачиваемый заказ, и я сразу подумала о тебе. Студии нужен художник для проекта “Окна города”. Ты говорила, что пока не работаешь, но, может быть, сейчас получилось бы? Я ещё никому ничего не обещала, просто хотела сначала спросить тебя.

Напиши, и я пришлю подробности. Мне очень не хватает тебя, Даш».

Я перечитала письмо несколько раз, придерживая телефон обеими руками.

Лучше всего помнила даже не тот рисунок, а день, когда мы с Анной сдавали его редактору. После встречи купили кофе, сели на скамейку возле старого дома и долго спорили о каком-то фильме. Я смеялась так громко, что прохожая улыбнулась нам. В тот день у меня была работа, собственные деньги и целый свободный вечер, о котором не нужно было ни перед кем отчитываться.

Я вдруг почувствовала, как давно никто не спрашивал, чего хочется мне.

Из комнаты донёсся голос мужа. Он разговаривал легко, с улыбкой, и я поймала себя на том, что опять прислушиваюсь к его интонации, пытаюсь определить настроение. Ответить Анне хотелось немедленно, пока ещё не исчезло это тёплое, почти забытое чувство. Но стоило открыть строку ответа, как я представила лицо Антона над экраном моего телефона.

Он обязательно спросит, зачем мне работа, когда я даже дома ничего не успеваю. Галина Петровна вспомнит полку, холодный кофе и купленные без разрешения краски. А я снова

начну объяснять, оправдываться и в конце концов соглашусь, что сейчас не самое подходящее время.

В коридоре слышались шаги. Я закрыла почту и взяла тряпку, хотя стол уже был чистым.

– Ты долго ещё собираешься здесь возиться? Мама ждёт, когда ты поможешь ей перестелить постель, – сказал Антон, остановившись в дверях. Он посмотрел на телефон возле моей руки, потом на меня, слегка нахмурившись.

– Я уже закончила и сейчас к ней подойду, – ответила я, стараясь говорить ровно. Мне пришлось прижать пальцы к столешнице, чтобы он не заметил их дрожи.

Антон ушёл, а я ещё немного постояла на кухне. Впереди оставались чужая постель, посуда в раковине и утро, когда меня снова разбудят раньше будильника. Я пока не знала, как сумею взяться за заказ и что скажу мужу, если он узнает. Но, убирая с экрана уведомление, я не стала удалять само письмо. Мне хотелось, чтобы завтра я снова могла его открыть и прочитать, что где-то меня ещё помнят не только как жену Антона и невестку Галины Петровны.

Глава 2. Правила Антона

О том, что вечером к нам придут гости, я узнала после обеда, когда закончила мыть пол в прихожей. Галина Петровна вышла из своей комнаты с телефоном в руке и остановилась на сухом участке возле стены. У неё было оживлённое лицо, какое обычно появлялось после разговоров с младшей сестрой.

– Ирочка с Сергеем сегодня заедут, давно уже собирались. Ты приготовь что-нибудь приличное, чтобы не пришлось выставлять на стол вчерашние остатки, – сказала она, оглядывая меня с лёгким нетерпением. – И переоденься к их приходу. Не нужно встречать людей так, будто мы тебя от ведра не отпускаем.

Я выпрямилась, опираясь на ручку швабры. В поясице сразу потянуло, и пришлось немного подождать, прежде чем заговорить.

– А во сколько они будут? Мне нужно понять, успею ли я сходить за продуктами, – спросила я, стараясь скрыть усталость за обычной деловитостью.

– Часам к семи, наверное. Антоша уже знает, он сказал, что ты всё успеешь, – ответила свекровь с удовлетворённой улыбкой, словно согласие сына окончательно решало вопрос.

Я посмотрела на часы. Если быстро закончить уборку, сходить в магазин и сразу поставить мясо, времени должно было хватить. На несколько секунд я задержала взгляд на телефоне, лежавшем на тумбочке. С самого утра мне хотелось открыть письмо Анны ещё раз, но теперь даже эта маленькая возможность отодвинулась до ночи.

В магазине я несколько раз пересчитала стоимость покупок, прежде чем подойти к кассе. Особенно долго выбирала между двумя упаковками сыра: дешёвый Галина Петровна называла несъедобным, а за дорогой вечером мог спросить Антон. В конце концов взяла тот, который покупала обычно, и всю дорогу домой думала, достаточно ли празднично будет выглядеть стол.

К приходу гостей на кухне стоял такой жар, что волосы прилипли к вискам. Я успела переодеться в тёмно-синее платье, но застегнуть молнию с первого раза не получилось: пальцы были влажными, а ткань перекрутилась на спине. Пришлось остановиться, перевести дыхание и попробовать ещё раз.

Когда в дверь позвонили, я как раз поправляла перед зеркалом ворот. Из кухни вышел Антон, уже переодетый в светлый свитер. Он скользнул по мне взглядом и пригладил выбившуюся прядь возле моего уха.

– Вот так гораздо лучше. Улыбнись только, а то у тебя такой вид, будто ты никому не рада, – произнёс он негромко и чуть приподнял уголки губ, показывая, какого выражения ждёт от меня.

Я улыбнулась, пока он смотрел, и вместе с ним вышла в прихожую.

Ирина Петровна обняла сестру, затем меня, прижав к щеке холодную от улицы щёку. От её пальто пахло свежим воздухом. Я невольно задержалась в этих объятиях чуть дольше, чем следовало, и она отстранилась, внимательно рассматривая моё лицо.

– Дашенька, как ты? Совсем редко тебя вижу. Всё собираюсь позвонить, а потом думаю, что вы, молодые, наверняка заняты, – сказала она с добродушной улыбкой и легонько сжала мои ладони.

Я уже открыла рот, но Антон обнял меня за плечи и ответил раньше.

– У нас всё отлично, тётя Ир. Даша сейчас домом увлеклась, её отсюда не вытащишь. Я иногда предлагаю куда-нибудь выбраться, а она сразу начинает переживать, на кого нас с мамой оставит.

Он говорил легко, с ласковой насмешкой, и со стороны мы, наверное, выглядели счастливой парой. Его ладонь лежала у меня на плече, большой палец медленно поглаживал ткань

платья. Я почувствовала прикосновение, посмотрела на его улыбающееся лицо и почему-то не смогла отодвинуться.

– Ну, за вами двумя действительно нужен глаз да глаз, – засмеялась Ирина Петровна, переводя взгляд с него на сестру.

Галина Петровна тоже улыбнулась и повела её в гостиную.

Я осталась в прихожей собирать шарфы и вешать пальто. Из комнаты доносились голоса, смех, вопросы о здоровье. Сергей Павлович принёс коробку конфет и теперь рассказывал, как долго выбирал их по просьбе жены. Пока я расправляла рукава его куртки, он успел сказать, что в квартире очень уютно.

– Это всё наши женщины стараются, – отозвался Антон, и я услышала в его голосе ту тёплую гордость, которую так редко удавалось услышать наедине.

За столом он был внимателен ко мне почти показательно. Подвинул стул, налил воды, положил на мою тарелку кусок мяса. Когда я поднялась за хлебом, слегка коснулся локтя.

– Дашенька, посиди хоть немного, ты весь день на ногах. Мы можем и сами за собой поухаживать, – сказал он с заботливой улыбкой, глядя так, будто действительно беспокоился о моей усталости.

Я послушно села. Через минуту Галина Петровна заметила, что соус остался на кухне, и мне всё равно пришлось встать.

Первые полчаса я почти не участвовала в разговоре. Следила, чтобы у всех хватало еды, убирала пустые блюда, приносила чистые вилки. Когда наконец села надолго, гости обсуждали ремонт у дочери Ирины Петровны. Та жаловалась, что молодые никак не могут выбрать картины для новой квартиры, и вдруг повернулась ко мне.

– А ты ведь художница, Даша. Я помню твои рисунки, Антон ещё до свадьбы показывал. Ты сейчас что-нибудь делаешь? – спросила она с искренним интересом, наклоняясь ко мне через край стола.

Я не сразу ответила. Слово «художница» прозвучало так неожиданно, что я даже перестала чувствовать чашку в руках.

– Раньше я занималась книжной иллюстрацией. В основном рисовала для небольших издательств, но бывали и другие заказы, – сказала я и услышала, как изменился собственный голос. Он стал живее, свободнее. – Сейчас я немного...

Антон положил ладонь мне на плечо.

– Сейчас она наконец отдыхает от этих бесконечных правок и капризных заказчиков, – закончил он за меня, улыбаясь тёте. – Вы бы видели, в каком состоянии Даша приходила домой. Сама просила дать ей спокойно пожить.

Пальцы на моём плече чуть сжались. Я почувствовала это сквозь ткань платья и замолчала, хотя хотела договорить совсем другое.

Я не просила бросить работу. Однажды пожаловалась на редактора, который в третий раз менял требования, и Антон тогда сказал, что мне незачем терпеть чужое самодурство. Первое время его предложение казалось заботой. Только теперь моя единственная жалоба превратилась в доказательство того, что я сама выбрала эту жизнь.

– Но совсем забрасывать жалко, если получается, – заметила Ирина Петровна. Она ещё смотрела на меня, и я с болезненной надеждой ждала продолжения. – У нашей Леночки как раз знакомая делает небольшой семейный клуб. Ей, кажется, нужны были рисунки на стены. Можно было бы вас познакомить.

Я подалась вперёд прежде, чем успела подумать.

– Это зависит от того, какие именно рисунки ей нужны. Если можно сначала посмотреть помещение, я бы...

Антон сжал моё плечо сильнее, и конец фразы застрял в горле.

– Тётя Ир, только не подбрасывайте ей сейчас новые заботы. Даша и без того устаёт, а отказывать не умеет. Потом я буду её по ночам успокаивать из-за того, что кому-то цвет стены не понравился, – произнёс он шутливо, но, повернув ко мне голову, посмотрел уже без улыбки. – Правда, дорогая?

Я почувствовала, как под платьем болезненно вдавились его пальцы. Гости ждали ответа, и от этого стало ещё хуже.

– Наверное, сейчас действительно не лучшее время, – сказала я, опуская глаза на тарелку. Галина Петровна удовлетворённо кивнула.

– У неё дома дел хватает. Хорошо, что Антоша может позволить жене не работать, не каждой женщине так везёт, – добавила она с гордостью и ласково посмотрела на сына.

Ирина Петровна больше не спрашивала о рисунках. Разговор перешёл на ремонт, потом на знакомых, а я сидела, чувствуя под тканью платья тяжесть Антоновой руки. Он убрал её только тогда, когда понадобилось разрезать мясо.

Мне захотелось выйти на кухню, но я боялась, что это будет выглядеть как обида. Поэтому продолжала улыбаться и слушать, хотя почти не понимала, о чём говорят. Перед глазами стояло лицо Ирины Петровны в ту минуту, когда она спрашивала о моей работе. Ей было действительно интересно. Я успела увидеть это и теперь никак не могла заставить себя забыть.

Гости ушли около десяти. В прихожей Антон помогал тёте надеть пальто и обещал, что в следующий раз мы обязательно приедем к ним. Ирина Петровна похвалила ужин, обняла меня на прощание и сказала, что я чудесная хозяйка.

Я поблагодарила её, хотя почему-то именно после этих слов глаза защипало сильнее всего.

Когда дверь закрылась, Антон сразу отошёл в сторону, освобождая проход. Улыбка исчезла с его лица так быстро, что я невольно посмотрела на него внимательнее.

– Убери пока со стола, а я отдохну немного. Голова уже гудит от разговоров, – сказал он усталым голосом и потёр переносицу.

Я отнесла на кухню первые тарелки. Галина Петровна собирала салфетки, подробно объясняя, какие нужно замочить сразу, а какие можно оставить до утра. Мы несколько минут ходили между кухней и гостиной, и только потом я заметила, что моего телефона нет возле хлебницы.

Я заглянула в спальню. Антон сидел на краю кровати и смотрел в экран. По светлому чехлу я сразу узнала свой телефон, а когда он поднял глаза, увидела открытый разговор с Анной. У меня похолодели ладони.

– Ты искал что-нибудь? Я могла бы сама показать, – спросила я осторожно, остановившись возле двери.

– А почему ты должна мне что-то показывать, если мне понадобилось посмотреть телефон своей жены? – ответил он, слегка прищурившись. В его голосе появилась раздражённая настороженность. – Или там есть что-то, чего мне видеть не следует?

Я посмотрела на экран. Это был мессенджер, не почта. Открылась старая переписка, и на несколько секунд мне стало легче: письмо о заказе он, кажется, ещё не нашёл. Антон развернул телефон ко мне.

– Что значит: «К нам пока лучше не приезжай, дома сейчас неудобно»? Ты зачем своей подруге такое пишешь? – спросил он, постукивая пальцем по сообщению. Его губы скривились, будто он прочитал что-то непристойное.

Я узнала переписку. Анна предлагала заехать весной, после работы. В тот день Антон вернулся раздражённым и заранее велел, чтобы в доме не было посторонних.

– Ты тогда сам сказал, что не хочешь гостей. Я просто попросила её не приезжать, – объяснила я, стараясь говорить спокойно, хотя сердце уже колотилось так сильно, что стало трудно дышать.

– Значит, теперь я виноват в том, что ты выставляешь нашу семью перед чужими людьми непонятно кем? – произнёс он с коротким недоверчивым смешком и поднялся с кровати. – Сначала за столом устроила представление, теперь ещё и это.

Я отступила, освобождая ему дорогу, но он не вышел из комнаты. Остановился передо мной, всё ещё держа телефон.

– Я не устраивала никакого представления. Меня спросили о работе, и я только хотела ответить, – сказала я. Голос дрогнул, и мне пришлось сжать зубы, чтобы не заплакать прямо перед ним.

Антон посмотрел на меня с таким выражением, будто я нарочно говорила глупости.

– Ты сидела с лицом несчастной женщины, которой муж не даёт жить. Думаешь, я не заметил? Могла бы хотя бы при родственниках вести себя нормально.

Я вспомнила его ладонь на плече и неожиданно для себя произнесла:

– Мне было больно, когда ты сжимал плечо. Я поэтому и замолчала.

Он несколько секунд смотрел на меня, не двигаясь. Потом положил телефон на комод и взял меня за запястье.

– Ты сейчас серьёзно собираешься обвинять меня в том, что я тебя обнял? – спросил он уже тише. На скулах проступили жёсткие желваки, а глаза стали холодными. – Я весь вечер за тобой ухаживал, между прочим.

Я попыталась высвободить руку, и его пальцы сомкнулись сильнее. Спиной я упёрлась в дверь. Ручка неприятно вдавилась под ребро, но отойти было некуда: Антон стоял слишком близко.

– Пожалуйста, отпусти меня. Я не хочу ссориться, мне просто больно, – попросила я, глядя ему в лицо и уже не пытаясь скрыть слёз.

Он наклонился ко мне, продолжая удерживать запястье.

– Тогда перестань делать из меня чудовище. Я с тобой нормально разговариваю, а ты сразу начинаешь плакать, чтобы опять во всём оказаться правой, – процедил он сквозь зубы.

Я почувствовала, как по щеке покатилась слеза, и отвернула голову. Мне было стыдно за неё, за дрожащий подбородок, за то, что я снова не могла закончить разговор без унижения. Когда я ещё раз попыталась отодвинуться, он резко прижал мою руку к двери, и я не сдержала крика.

– Антон, мне больно, отпусти меня, пожалуйста! – вырвалось у меня громче, чем я собиралась. Я сама испугалась своего голоса и сразу посмотрела в сторону коридора.

Галина Петровна появилась почти мгновенно. Она остановилась на пороге, перевела взгляд с моего мокрого лица на руку сына, но не подошла.

– Дарья, прекрати кричать, у нас не отдельный дом. Соседи тоже люди, им завтра на работу, – сказала она строгим шёпотом, нахмурив брови. Потом повернулась к Антону, и голос её стал мягче: – Антоша, не трепи себе нервы. Ты устал, а она опять не может вовремя остановиться.

Он отпустил меня. Я сразу прижала руку к груди и сделала шаг в сторону, стараясь не задеть его плечом.

– Объясни ей сама, мам. Я уже не знаю, на каком языке разговаривать, – произнёс он с тяжёлым вздохом и вышел из спальни.

Я осталась возле двери. Слёзы текли, хотя я изо всех сил пыталась сдержаться. Галина Петровна смотрела на меня с раздражённым терпением.

– Вот скажи, чего тебе не хватает? Муж обеспечивает, не пьёт, домой приходит. Другие женщины были бы счастливы, а ты всё ищешь повод его задеть, – проговорила она негромко, отчётливо выговаривая каждое слово.

Я осторожно коснулась запястья. На коже проступили красные следы.

– Я только попросила его отпустить меня, – ответила я, и голос сорвался на последнем слове.

Свекровь коротко взглянула на мою руку и поджала губы.

– А до этого, конечно, ничего не было. Ты ведь никогда не помнишь, что сама сказала, зато каждое его движение потом готова разбирать, – заметила она с усталой усмешкой. – Умойся и убери посуду. Незачем оставлять на утро грязную кухню.

Она ушла, не дожидаясь ответа. Я постояла ещё немного, прислушиваясь к звукам квартиры. В гостиной включился телевизор. Антон переключал каналы, Галина Петровна что-то тихо ему говорила. Обычные вечерние звуки, среди которых мой недавний крик теперь казался чем-то посторонним и постыдным.

В ванной я подставила запястье под прохладную воду. Плакать хотелось всё сильнее, но я прижала свободную ладонь ко рту и дождалась, пока дыхание станет ровнее. Потом умылась, промокнула лицо полотенцем и вернулась на кухню.

На столе стояла тарелка с нетронутым куском пирога. Его положил мне Антон, когда гости ещё сидели рядом. Я вспомнила, как он улыбался, предлагая попробовать, и долго смотрела на подсохшую корочку, прежде чем убрать тарелку в холодильник.

Телефон он оставил на комод. Я забрала его по дороге в спальню, но больше не открывала почту. Когда Антон лёг, мне пришлось некоторое время лежать рядом с ним, следя за дыханием и боясь пошевелиться слишком рано.

Только после полуночи я осторожно поднялась. Старый ноутбук лежал в нижнем ящике под папками с документами. Я достала его, нашла зарядное устройство и унесла на кухню. Крышка открылась с тихим скрипом, вентилятор загудел, и я испуганно посмотрела на дверь. Из спальни не донеслось ни звука.

Пока загружалась система, я сидела, положив больную руку на колени. Пальцы всё ещё были немного непослушными, и пароль получилось набрать не сразу. На рабочем столе сохранились мои старые папки. В одной лежали эскизы, которые я когда-то считала неудачными, в другой – готовые иллюстрации для издательства.

Я открыла почту и нашла письмо Анны.

Долго смотрела на пустое поле ответа. Сначала написала, что, наверное, не справлюсь. Потом стёрла. Начала объяснять, что давно не работала и могу её подвести, но эти слова тоже показались знакомыми: почти теми же словами Антон весь вечер рассказывал обо мне своим родственникам.

Я убрала их и написала заново:

«Аня, пришли, пожалуйста, подробности заказа. Я хочу попробовать. Не знаю, сколько у меня сейчас займёт работа, но сначала посмотрю, что требуется. Пока лучше пиши на эту почту».

Прежде чем отправить, я ещё раз прочитала последнее предложение. Мне не хотелось объяснять, почему я прошу не звонить. Не сейчас, когда от одного воспоминания о двери за спиной снова начинали дрожать губы.

Ответ пришёл, пока я открывала папку с рисунками.

«Даша, как же я рада, что ты написала! Заказ ещё свободен. Завтра пришлю описание и сроки, а ты спокойно всё посмотришь. Никто не требует решения немедленно».

Проект курирует Игорь Белов. Он попросил показать несколько работ, а потом хочет лично обсудить с художником идеи для серии. Начнём с твоих рисунков, хорошо?»

Я прочитала письмо дважды, особенно задержавшись на словах о том, что решать немедленно не нужно. Ещё днём я не знала, что ко мне придут гости, вечером не могла договорить о собственной работе, а теперь незнакомый человек оставлял мне время подумать.

Из спальни донёсся кашель Антона. Я сразу приглушила экран и замерла, прислушиваясь. Он перевернулся, кровать скрипнула, затем снова стало тихо. Я не закрыла ноутбук.

В папке нашёлся тот самый двор с велосипедом под балконом. Я увеличила рисунок, рассматривая тонкие ветви дерева, неровную стену и свет в окне второго этажа. Потом создала рядом новую папку и напечатала название проекта – «Окна города».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.